

УДК 321.01

Взаимодействие европейских регионов и национальных государств в сфере международных отношений: неудачный пример для России?

О. Б. Александров

Александров Олег Борисович, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД РФ, alexandrov-oleg@yandex.ru

Статья посвящена международным аспектам взаимодействия внутригосударственных регионов и национальных государств. С учетом российского опыта рассматривается ряд зарубежных моделей взаимодействия государства и внутригосударственных регионов. Показано негативное воздействие процесса глобализации как на национальные государства, так и на внутренние регионы. Цель статьи – проследить, как меняется модель взаимодействия государства и регионов под воздействием внешних факторов.

Ключевые слова: внутригосударственные регионы, глобализация, регионализация, глокализация.

Поступила в редакцию: 02.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Domestic Regions and Nation-States: Cooperation or Rivalry?

O. B. Aleksandrov

Oleg B. Aleksandrov, <https://orcid.org/0000-0002-7738-3367>, Moscow State Institute of International Relations, 76 Vernadsky prospekt, Moscow 119454, Russia, alexandrov-oleg@yandex.ru

The article is devoted to international aspects of interaction between domestic regions and national states. In the course of the research the author considers a number of foreign models of interaction between the state and domestic regions, compares them with the Russian experience, shows the negative impact of globalization process both on nation-states and domestic regions. The aim of the article is to show how the model of interaction between the state and regions is changing under the influence of external factors.

Keywords: domestic regions, globalization, regionalization, glocalization.

Received: 02.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-375-381>

Проблема взаимоотношения государства и его составных территорий с давних пор является предметом изучения историков, политологов, юристов и представителей ряда других общественных дисциплин. Наиболее интересными вопросами в контексте взаимоотношений государств

и отдельных регионов считались темы, связанные с проблемами сепаратизма, т. е. с проблемой распада государств на отдельные субъекты, выхода (сепессии) отдельных территорий из состава государства, роста числа непризнанных или частично признанных государств и т. д.¹. Однако во второй половине XX в. в международных отношениях было обнаружено довольно новое явление, суть которого – усиление роли внутригосударственных регионов как в вопросах внутренней политики отдельных государств, так и в вопросах международных отношений.

Именно международные аспекты взаимодействия государства и внутригосударственных регионов находятся в фокусе внимания автора данной статьи, так как их изучение позволяет поставить целый ряд научных и практических задач, главная из которых – каким образом вписать регионы во внешнеполитический процесс, учесть их интересы на международной арене, не создавая угрозы утраты государственного суверенитета, не нарушая целостность международной политики государства и не поощряя центробежные тенденции². Активная международная деятельность сначала европейских, а затем и российских регионов поставила перед экспертами два принципиальных вопроса – являются ли регионы субъектами международных отношений? субъектами международного права?³. Современные учебники по конституционному праву России и зарубежных стран дают утвердительные ответы на оба этих вопроса, однако остается ряд недостаточно освещенных тем, которые касаются как отдельных аспектов взаимоотношения государств и регионов в сфере международных связей, так и ряда концептуальных вопросов, связанных с проявлениями такого сложного явления современности, как регионализм.

Процесс усиления роли внутригосударственных регионов в мировой политике стал наблюдаться во второй половине XX в. Многие связывали его с пересмотром послевоенных границ, с особенностями реализации плана Маршалла и других политических и экономических мер, направленных на экономическое восстановление послевоенной Европы, выравнивание уровня жизни в различных странах и соседних регионах, а также с достижением политической задачи – взаимным примирением народов, которые сражались друг против друга в недавней войне.

Рост политического влияния регионов поставил вопрос о том, способны ли национальные

государства держать под контролем данный процесс. По мнению Майкла Китинга, еще в середине XIX в. национальные государства воспринимали регионы как препятствия на пути к достижению национальной идентичности и старались подавить региональное самосознание. Однако столетие спустя стало очевидно, что война с региональной идентичностью проиграна, что построение политически и культурно однородного национального государства – это утопия⁴. С тех пор регионы не только остались на завоеванных позициях, но и заметно укрепили их, поведя планомерное наступление на национальные государства с целью законодательно закрепить свою специфику и сохранить культурно-языковую и историческую автономию⁵.

С точки зрения классического неореализма (К. Уолтс, Д. Миршаймер и др.), государство и союзы государств рассматриваются как основные акторы в международных отношениях. При этом роль внутригосударственных регионов в процессе принятия внешнеполитических решений носит скорее вспомогательный характер⁶. Согласно неолиберальным подходам (Р. Кеохейн, Д. Най и др.) внешнеполитический процесс трактуется как сложный механизм согласования интересов различных групп влияния⁷. В этом контексте внутригосударственные регионы воспринимаются не как послушные исполнители воли государства, представляющие ему плечо и берущие на себя часть обязанностей в рамках реализации единого внешнеполитического курса, а как полноправные участники внешнеполитического процесса, чей голос влияет на общий расклад мнений и выработку внешнеполитического курса. Следует отметить, что усиление роли регионов в международных делах стало новым явлением, которое уже невозможно игнорировать. Чтобы лучше понять природу этого процесса, его движущие силы, требуется проанализировать наиболее распространенные формы взаимодействия государства и регионов в сфере международных отношений, сгруппировать их в определенные модели, учесть влияние международной среды и конкретно-исторических условий.

Стоит особо подчеркнуть, что в современном политическом дискурсе единого и общеупотребимого термина регион не существует. Эксперты под регионами понимают и группы стран, объединенных географическими, историческим и политическими характеристиками (Европа, Латинская Америка, Ближний Восток и т. д.), и культурно-исторические регионы (Балканы), а также целый ряд других регионов (Алтай, Таймыр, Кубань и т. п.), существующих внутри границ одного государства, но не обладающих определенным правовым статусом. Представители неолиберальной школы под регионами понимают как регионы традиционного типа, так и регионы нового типа – территории и части отдельных государств, которые вносят несоизмеримо боль-

шой вклад в мировую экономику, своеобразные инновационные площадки, на которых обеспечивается прорывной технологический рост тех или иных государств (Кремниевая долина, Бангалор, Тойота-сити и т. д.).

Пользуясь ведущей ролью в мировых экономических процессах, так называемые «новые регионы» добились высокого статусного положения внутри своих государств. Особый статус пытаются закрепить за собой экономически преуспевающие регионы традиционного типа (Бавария, Рона-Альпы, Северный Рейн-Вестфалия, Ломбардия). Наиболее активные из них ставят вопрос о выходе из состава национального государства или ином радикальном изменении своего текущего политического статуса (Каталония, Шотландия). В рамках данной статьи под регионами понимаются преимущественно внутригосударственные регионы традиционного типа, а именно субъекты государств либо их административно-территориальные образования.

Наиболее заметным стал рост влияния регионов на внутри- и внешнеполитические процессы на фоне реализации проекта западноевропейской интеграции, целью которого изначально было подчинение интересов отдельных государств общим целям и введение надгосударственных уровней управления⁸. То, что в ослаблении государственного суверенитета в ходе европейской интеграции принимали деятельное участие сами государства, не должно нас вводить в заблуждение, так как наиболее активными лоббистами процесса евроинтеграции выступали крупнейшие европейские банки и корпорации, заинтересованные в создании европейского общего рынка без национальных границ. На этом фоне усиление беспокойства регионов за свое будущее в Европе со слабыми национальными государствами, а также страх утратить свои культурно-исторические особенности подтолкнул их к активным политическим действиям. В условиях нарастающего политического давления регионов на государство программа евроинтеграции была слегка скорректирована. Дальнейший курс на интеграцию должен отныне сопровождаться регионализацией Европы.

Весьма схожие цели преследовал и процесс глобализации, который по сути упразднил прежде незыблемые позиции национальных государств как основных участников международных отношений, ставил под сомнение их суверенитет, предлагал им согласиться с новой глобальной повесткой дня, в рамках которой национально-государственные элиты переходят на новый уровень глобального управления и подчиняют интересы своих государств общим целям глобальных элит⁹. Многие европейские внутригосударственные регионы на этом фоне не только «вспомнили» о своей культурно-языковой специфике, но и поставили задачу добиться усиления своей политической роли не только в европейском контексте, но и на международной арене.

Тем самым регионы открыли фронт борьбы с собственными государствами, борьбы изнутри, усиливая и без того заметные тенденции к ослаблению роли государства как главного субъекта международных отношений. Подобный двойной нажим на государства, ведущий к его эрозии, эксперты назвали термином *глокализация*, подразумевая под ним процесс перетекания полномочий государства как наверх, в глобальные структуры, так и вниз – на региональные и локальные уровни¹⁰. Выгодополучателями процесса упадка и деградации национальных государств выступают европейские глобалисты, представленные такими крупными политическими фигурами, как Жак Аттали, экс-директор ЕБРР, который является не только высокопоставленным чиновником, но и одним из идеологов глобализма. Политическая цель данной группы состоит в коренном преобразовании Европы из Европы национальных государств в Европу без государств с единой европейской идентичностью, что, по мнению сторонников данной идеи, будет способствовать ее процветанию¹¹. В ходе реализации глобального проекта регионы и идеологи регионализма выступают в качестве ситуативных или тактических союзников глобалистов.

Обратной стороной данного процесса должна стать окончательная утрата чувства Родины, вероисповедания, национальности, всеобщая победа космополитизма и нравственного релятивизма. По сути речь идет о закате исторической Европы, о котором рассуждали такие выдающиеся историки и публицисты, как Николай Данилевский, Освальд Шпенглер, Патрик Бьюкенен и Александр Панарин¹². Им вторит современный швейцарский мыслитель Юрген Граф, предупреждающий о грядущей духовной катастрофе Западной Европы¹³.

Представляется очевидным, что реализация проекта глобализации в его изначальном варианте не только подрывает суверенитет национальных государств, но и серьезно деформирует внутригосударственные регионы. Последние на короткой исторической дистанции выступают ситуативными союзниками процесса глобализации, который приносит им краткосрочные выигрыши в виде новых внутри- и внешнеполитических возможностей¹⁴. Однако в долгосрочной перспективе глобальное переустройство мира грозит им полным разрушением. Следует особо подчеркнуть, что в процесс конкуренции с государствами включились наиболее успешные регионы мира, которые используют свои конкурентные преимущества в экономике без границ. Если же предположить, что проект глобализации, за которым стоят влиятельные силы Запада, потерпит неудачу, то регионами, по всей вероятности, придется смирить свои политические амбиции.

Методология. Для ответа на вопрос, вынесенный в название темы, автор будет использовать элементы системного и сравнительного анализа. Очевидно, что внутригосударственные регионы

являются частью сложной системы, участниками которой выступают как они сами, так и национальные государства, группы государств и центры глобального управления. Элементы сравнительного анализа необходимы для сопоставления различных типов взаимодействия государств и внутригосударственных регионов как особых моделей. В рамках каждой модели по-своему решена проблема привлечения регионов к процессу принятия внешнеполитических решений, по-разному произведено распределения компетенций на осуществление внешнеэкономических связей. Основная задача исследования – показать, как происходил процесс взаимного приспособления национальных государств и регионов в сфере международных отношений.

Процедура исследования состоит в сопоставлении различных европейских моделей взаимодействия центра и регионов. Только лишь в Европе можно выделить как минимум несколько моделей взаимодействия центра и регионов в международных делах – германскую, австрийскую, швейцарскую, бельгийскую и российскую. Германская модель интересна тем, что прошла довольно длинный эволюционный путь с момента создания ФРГ и распределения полномочий между землями и федерацией. В соответствии с Основным законом ФРГ земли были наделены широкими полномочиями по развитию внешних связей. С течением времени и федерация, и земли пришли к согласию, что пределы полномочий земель нуждаются в конкретизации.

Так, еще в 1957 г. в Линдау было решено, что при заключении международного договора федерация обязана поинтересоваться мнением земли по данному договору, но не обязана учитывать это мнение при его подписании. Тем самым федерация отстояла свое право решающего голоса по вопросам выполнения международных обязательств. Тогда же был установлен принцип конкурирующей компетенции, согласно которому земли лишь до тех пор могут заключать договоры по отдельным аспектам внешних связей, пока федерация не урегулирует их в законодательном или договорном порядке. Подобная процедура согласования интересов федерации и земель ФРГ просуществовала до начала 1990-х гг., когда немецкие земли потребовали себе новых полномочий: давать согласие на передачу суверенных полномочий федерации на наднациональный уровень; представлять федерацию в органах ЕС в вопросах, относящихся к исключительной компетенции земель; учреждать представительства земель в Брюсселе и за рубежом. Практически по всем пунктам требований федерация пошла навстречу землям, отказав им лишь в праве открывать независимые политические представительства за рубежом. Таким образом, немецкие земли значительно расширили объем своих полномочий, в том числе в международной сфере. Ход интеграционных процессов в Европе лишь подстегнул

стремление земель играть более заметную роль в европейских делах.

По сравнению с возможностями немецких земель, регионы Австрии обладают весьма умеренными полномочиями в сфере внешнеэкономических и международных связей. Согласно ст. 10 Конституции Австрийской Республики федерация отвечает за все аспекты внешних связей. Однако и в рамках австрийской модели наблюдалось усиление роли регионов в указанной сфере. К примеру, в 1976 г. был создан Совет по внешней политике, куда стали приглашать глав правительств земель. В 1991 г. главы девяти австрийских земель обсуждали положение дел в Югославии.

Бельгийская модель во многом напоминает австрийскую, за тем исключением, что сама Бельгия в отличие от Австрии не имеет давних исторических традиций государственности и состоит из трех составных частей – Фландрии, Валлонии и столицы Брюсселя. Компетенции федерации и ее составных частей в международной сфере ограничены теми же областями, которые закреплены за ними и во внутренней сфере. Королевство Бельгия следит за тем, чтобы внешние связи провинций не нарушали целостность ее внешней политики. Так, еще в 1980 г. был принят закон, по которому регионы, провинции и коммуны Бельгии обязаны уважать международные и наднациональные обязательства страны. Их международные связи возможны лишь с теми иностранными государствами и соответствующими регионами этих государств, которые имеют официальные дипломатические отношения с королевством.

Наиболее консервативной является швейцарская модель, в которой у кантонов и полукантонов практически отсутствуют какие-либо полномочий в сфере внешнеэкономических связей, так как все вопросы международного характера федерация решает единолично¹⁵.

Следует отметить, что значительное усиление роли и политических амбиций регионов во многих странах Европы происходило на фоне интенсификации процессов европейской интеграции. Наднациональные и многосторонние европейские структуры (ЕЭС, Совет Европы) с самого начала поддерживали процессы регионализации, которые первоначально проявлялись в заботе регионов о сохранении и возрождении региональной самобытности, а также в развитии приграничных связей с сопредельными провинциями других государств. Так, уже в 1958 г. был создан первый еврорегион на границе ФРГ и Дании. В его состав вошли некоторые приграничные территории упомянутых стран, а целью было заявлено экономическое развитие приграничных территорий в рамках совместного территориального планирования.

На фоне устоявшихся и прошедших проверку временем европейских моделей взаимодействия центра и регионов в международных делах российская модель до сих пор является неустоявшейся и представляет собой переходную форму. В

1990-е гг. федеральная власть не возражала против того, чтобы регионы массово развивали внешнеэкономическую деятельность и подписывали международные договоры с равными себе регионами, а также с иностранными государствами. Все это при отсутствии должного контроля Москвы за международной деятельностью регионов привело к правовому хаосу, распаду единого правового пространства и угрозе сепаратизма. Еще в текст Федеративного договора 1992 г. была заложена «правовая мина» в виде определения субъектов РФ как «самостоятельных участников международных и внешнеэкономических связей», что явно шло в разрез с международным обычаем, который предписывает регионам в своих международных действиях руководствоваться федеральной конституцией.

Конституция России 1993 г. определяла координацию международных и внешнеэкономических связей российских регионов как предмет «совместного ведения», в то время как мировая практика однозначно квалифицирует это как прерогативу федеральных органов власти. Можно сделать вывод о том, что в 1990-е гг. сам федеральный центр подталкивал регионы в сторону самостоятельной международной деятельности, что так или иначе провоцировало многочисленные проявления сепаратизма. При этом дело не ограничивалось сакраментальной фразой Президента РФ Б. Ельцина «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»¹⁶, которую он произнес несколько раз во время визитов в ряд российских республик.

Наиболее яркие примеры сепаратизма российских регионов имели место в Татарстане и Чечне, власти которых добились подписания с Москвой договоров о разделе полномочий, в Якутии, руководство которой заявляло о том, что международные договоры Российской Федерации будут действовать на территории Республики лишь после одобрения республиканским парламентом, а также в Туве, парламентарии которой записали в основной закон Республики положение о том, что Тува самостоятельно решает вопросы войны и мира¹⁷. Кроме этого, власти Якутии предпринимали попытку придать английскому языку статус государственного. Большой резонанс вызвало признание со стороны ряда российских регионов Республики Северного Кипра в 1997 г., попытки учреждать прямые посольства и представительства за рубежом и т. д. Наконец, крайне остро стояла проблема сохранения в составе Российской Федерации Калининградского эксклава, так как и федеральные, и областные власти предлагали ряд опасных с точки зрения целостности Российской Федерации проектов изменения статуса области, которые могли бы привести к ее выходу из состава России.

Лишь в 1999 г. был принят Закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», в ко-

тором была легализована расширительная модель участия российских регионов в международных делах. Однако и он не создал надежной правовой основы для международной деятельности российских регионов, так как на протяжении 1990-х гг. федеральный центр проводил политику регионального фаворитизма, перераспределяя доходы бюджета в пользу политически лояльных регионов, усугубляя и без того значительное правовое и статусное неравенство субъектов РФ. Несмотря на попытки Москвы в ходе административной реформы 2000 г. сгладить эти недостатки, Россия до сих пор остается асимметричной федерацией, в которой угроза сепаратизма стоит довольно остро¹⁸.

Пожалуй, именно этим российская модель заметно отличается от приведенных европейских моделей. Если в России как социально-экономические, так и юридические различия между регионами закреплены на законодательном уровне, то среди федеративных государств Европы мы видим иной подход – стремление к унификации правового статуса и усилия, направленные на выравнивание уровня благосостояния всех территорий. Второе существенное отличие российской модели от западноевропейских аналогов состоит в том, что в России так и не было создано местное самоуправление как в регионах, так и в крупных городах. В этом смысле российская модель характеризуется жесткой централизацией управления и большой численностью бюрократического аппарата, в то время как в Европе, начиная с 1990-х гг., набирал обороты противоположный тренд, направленный на децентрализацию и решение большинства социально-экономических проблем на местном уровне. Принцип субсидиарности нашел правовое закрепление в решениях Маастрихтского договора об учреждении Европейского Союза, что, помимо прочего, вылилось в создание Комитета регионов ЕС как специального органа регионального представительства в системе органов ЕС.

В целом отличие современного европейского регионализма от традиционного сепаратизма проявилось в том, что большинство политически активных регионов не стремятся упразднить национальное государство или выйти из его состава, но требуют перераспределения полномочий, в том числе права полноценного участия в решении проблем национального и глобального уровней. Европейский опыт показывает, как международные и наднациональные структуры сумели поставить под контроль энергию регионов и направить ее в безопасное русло. Так, Совет Европы активно поддерживает международную деятельность регионов, в том числе оказывает правовую поддержку трансграничного сотрудничества регионов и муниципалитетов. Параллельно этому он развивает финансовые механизмы поддержки регионального взаимодействия. Например, еще в 1965 г. под эгидой Совета Европы была проведена международная конференция регионального пла-

нирования, а в 1985 г. принята Европейская хартия местного самоуправления. Однако наиболее значимым документом, который регламентирует международное сотрудничество европейских внутригосударственных регионов, стала Мадридская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве территориальных сообществ и местных властей, принятая в 1980 г.

Таким образом, в конце XX – начале XXI в. мы были свидетелями трансформации современного регионализма, появления и развития внешних связей внутригосударственных регионов как «политики третьего уровня», создания новых форм протогосударственности, о чем в середине 1990-х гг. писал один из теоретиков нового регионализма Кеничи Омэ, автор термина «региональное государство»¹⁹. Шаг за шагом складывается новая европейская реальность – взаимодействие внутригосударственных регионов на регулярной основе как особый уровень европейской политики. Тем самым заметно усложняется структура европейской подсистемы международных отношений.

Новая роль внутригосударственных регионов требует переосмысления традиционных форм взаимоотношения государств и их составных частей, введения нового понятийного аппарата, сбора и анализа многочисленных эмпирических данных, которые свидетельствуют о продолжающемся процессе перераспределения ролей между традиционными государственными структурами и внутригосударственными регионами. Вместе с тем было бы ошибочным предлагать России слепо копировать европейский опыт регионального строительства, как это предполагали сделать некоторые теоретики административной реформы 2000 г. Они рассматривали регионализацию как мировой процесс создания новой территориальной иерархии, в которой российские регионы «нового типа» должны занять свою нишу.

Отличие «новых» регионов от «старых» виделось ими в отказе от методов традиционного администрирования и повышении степени открытости регионов глобальному миру, в умении встраиваться в уже созданные технологические цепочки. Сама же суть региональной реформы представлялась как процесс расставания с прежними административными образованиями, созданными еще при советской системе, и переходе к новым формам государственного строительства в условиях открытой глобальной экономики. Таким образом, процесс регионализации России явно не должен был замыкаться ее национальными границами²⁰. При всех сходствах и различиях старой и новой модели взаимодействия центра и регионов в России объединяющим оставался посыл о необходимости интегрировать Россию и ее внутренние регионы в текущие мировые процессы, и прежде всего в процесс глобализации.

Тем временем мировой экономической кризис 2008 г. нанес мощный удар по идеям глобали-

зации, заставил пересмотреть прежние представления о вторичности национальных государств в условиях открытой экономики «без границ». Возникли иные, зачастую альтернативные концепции развития, усилились позиции альтерглобалистов, выступающих против неолиберальной политики крупного бизнеса и мировой олигархии, но не отрицающих объективный процесс интернационализации технологического и культурного обмена на основе информационной революции и Интернета²¹. Иначе говоря, выступающих против политики глобализма в интересах крупного капитала и мировой финансовой олигархии, включая порожденные ими структуры управления (МВФ, ВТО, Трехсторонняя комиссия, полужакрытые клубные структуры и т. п.), но не против глобализации как процесса сближения народов и государств на демократических и взаимовыгодных условиях. Все это требует крайне осторожного подхода к выстраиванию модели взаимодействия центра и регионов в сфере международных связей.

В ходе исследования было показано, что несмотря на то, что процессы регионализации и глобализации в равной степени затрагивают всю Европу, включая и Россию, ответы на эти вызовы каждая страна дает свои. На примере ряда консервативных стран (Швейцария, Бельгия, Австрия) мы видим модели, в которых государство удерживает ведущие позиции в международных делах, предоставляя регионам широкие полномочия в решении внутривнутриполитических вопросов. Германский опыт интересен тем, что пытается совместить преимущества свободной внешнеэкономической деятельности входящих в ФРГ земель с традиционно консервативными формами организации внешнеполитического процесса. На этом фоне ответ России на вызовы глобализации еще не прозвучал. Между тем отсутствие адекватного ответа грозит России крупными внутривнутриполитическими проблемами, в том числе ростом сепаратизма и социально-экономической деградацией отдельных регионов.

Одним из побудительных мотивов и европейских, и российских регионов, которые стремились продвигать и защищать свои интересы как в диалоге с государством, так и на более высоком уровне, было опасение перед дисфункцией государства, которое уже не способно защитить культурно-языковую и экономическую самобытность регионов, решать проблемы безопасности, которые носят преимущественно трансграничный характер, предотвращать социальные последствия миграционных волн, а также добиваться роста благосостояния регионов. Вторым побудительным мотивом регионов служит воздействие внешнего фактора в лице процесса глобализации, который подрывает дееспособность национальных государств, создает наднациональные кластеры управления политическими и экономическими процессами, способствует разрушению единого экономического пространства России, подвергает

приграничные территории риску экономической и политической экспансии сопредельных государств и интеграционных группировок.

Тем временем мир вступил в фазу деглобализации: сокращаются объемы мировой торговли, пересматриваются либо отменяются ранее согласованные многосторонние проекты (Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнерства), усиливается противостояние мировых экономических гигантов – США и Китая, затяжной кризис переживает ВТО, набирает обороты политика протекционизма и т. д.). В этом контексте наиболее болезненный удар от свертывания планов глобализации нанесен по ЕС, политические элиты которого вложили в этот проект много усилий и не желают от него отказываться. И хотя воздействие глобального экономического кризиса 2008 г. притормозило планы адептов идеи глобализации, их позиции все еще сильны²². Их главным аргументом является вступление мира в четвертую промышленную революцию, которая характеризуется распространением новых, преимущественно цифровых, технологий, созданием глобальных информационных сетей, новыми методами управления и организации труда. Все это в совокупности создает новую политическую, экономическую и информационную реальность, к которой национальные государства и их внутренние провинции еще не смогли в должной мере адаптироваться.

Как бы то ни было, битва государств с новыми, угрожающими им явлениями в виде глобализации и регионализации еще не проиграна. Более того, по ряду позиций государство и регионы выступают не как противники, а как союзники. Касается это в первую очередь культурно-цивилизационного аспекта глобализации, который в упрощенном виде сводится к такому процессу, как вестернизация. Угроза тотальной унификации, фрагментации религиозных, культурных и социальных идентичностей, игнорирование цивилизационных различий, геополитических интересов и национальных границ грозит крайне серьезными последствиями для Европы и России. Но если Европа имеет давний исторический опыт существования в децентрализованном виде, то для России слепое перенимание европейского опыта чревато разрушительными последствиями.

Подводя итоги, следует сказать о том, что внутривнутригосударственные регионы и национальные государства находятся между собой одновременно в состоянии сотрудничества и соперничества. Их соперничество обусловлено усилением роли регионов в решении крупных политических вопросов и особо явственно проявляется у экономически преуспевающих регионов, которые хотели бы свой высокий экономический потенциал реализовать и в политической сфере. Их сотрудничество проявляется в ощущении общей угрозы со стороны процесса глобализации, который нивелирует государственный суверенитет и навязывает уни-

фикацию не только способов управления, но и культурно-языковой среды. Последнее – смертельно опасно для внутригосударственных регионов. Что касается России, то ее модель взаимодействия государства и субъектов федерации как по внутриполитическим, так и по международным вопросам нуждается в осмыслении и совершенствовании. Представляется, что ультралиберальную модель образца 1990-х гг. и умеренно либеральную модель 2000-х гг. требуется заменить на более консервативную модель, которая будет в большей степени учитывать российскую специфику, опираться на отечественный исторический опыт.

Примечания

- 1 См.: Хенкин С. М. Феномен сепаратизма : опыт Испании. М. : МГИМО-Ун-т, 2017.
- 2 Jeronim Perovic. Die Regionen Russlands als neue politische Kraft. Chancen und Gefahren des Regionalismus für Russland. Bern : Peter Lang, 2001.
- 3 См.: Пустогаров В. Государственный суверенитет и международное право // Панорама-Форум. 1996. № 1.
- 4 См.: Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.
- 5 См.: Зонина Т. В. Парадипломатия европейских регионов // Вся Европа. 2011. № 4 (43). URL: <http://www.amberbridge.org/article?id=106> (дата обращения: 13.10.2019).
- 6 Mearsheimer John J. The Great Delusion : Liberal Dreams and International Realities. New Haven, Yale University press, 2018.
- 7 Nye J. Power and Interdependence : World Politics in Transition. New York : Longman, 2000.
- 8 См.: Кузнецов А. В. Региональная политика стран ЕС. М. : ИМЭМО РАН, 2009.
- 9 Crocier Michel. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // Crocier Michel, Huntington P. Samuel, Watanuki Joji. New York : New York University Press, 1975.
- 10 См.: Иванов И. Д. Европа регионов. М. : Международные отношения, 1998.
- 11 См.: Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014.
- 12 См.: Панарин А. Православная цивилизация. М. : Институт русской цивилизации, 2014.
- 13 См.: Граф Юрген. На пути к апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? М. : Институт русской цивилизации, 2017.
- 14 См.: Robertson, R., Khondker H. Discourses of globalization : preliminary considerations. // International Sociology. 1998. № 1. P. 25–40.
- 15 Hanni, Peter. Schweizerischer Federalismus und europäische Integration. Die Rolle der Kantone in einem sich wandelnden internationalen Kontext. Zurich : Schulthess, 2000.
- 16 См.: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М. : РОССПЭН, 1999.
- 17 Segbers, Klaus. Stephan De Spiegeleire. Post-Soviet Puzzles : Emerging societal actors : economic, social and political interests. Theories, methods and case studies. Baden-Baden : Nomos, 1995.
- 18 См.: Дубровина О. Ю. Региональное измерение внешней политики Российской Федерации. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012.
- 19 См.: Kenichi Ohmae. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. New York : Harper Collins Publishers, 1995.
- 20 См.: Щедровицкий П. На пороге новой регионализации России. Н. Новгород : Митра-Информ, 2001. 123 с.
- 21 См.: Бузгалин А. В. Альтерглобализм : теория и практика антиглобалистского движения. М. : Эдиториал УРСС, 2003.
- 22 См.: Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М. : ЭКСМО, 2016.

Образец для цитирования:

Александров О. Б. Взаимодействие европейских регионов и национальных государств в сфере международных отношений: неудачный пример для России? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 375–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-375-381>

Cite this article as:

Aleksandrov O. B. Domestic Regions and Nation-States: Cooperation or Rivalry? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 375–381 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-375-381>